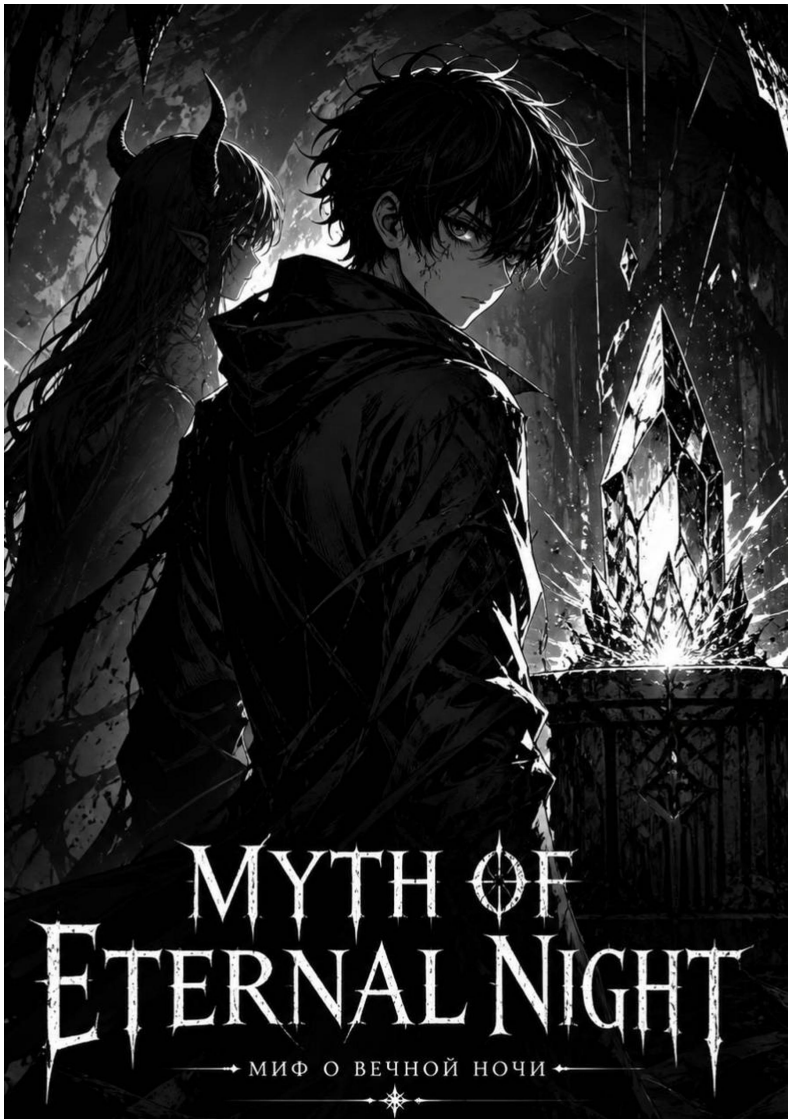

MYTH OF ETERNAL NIGHT

МИФ О ВЕЧНОЙ НОЧИ

Юки Юки

Миф о вечной ночи

<https://litres.ru/74410197>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир умер. Не в огне и не в войне — он просто выдохнул в последний раз, и его дух развеялся по ветрам пустоты. На его месте осталась лишь выжженная земля, где даже время текло иначе — медленно, вязко, будто через треснувшее стекло. И в этой мёртвой тишине, в самом сердце тьмы, Чуждые переписали судьбу павших. Они не принесли жизни. Они принесли лишь новую форму забвения.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	23
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	44
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Юки

Миф о вечной ночи

Глава 1

Я пробудился в одиночестве, посреди места, которого не было на картах живых. Вокруг — лишь вязкая тьма, что дышала холодом и не знала ни звука, ни света. Тишину разрывали лишь шёпоты — то ли стоны самой земли, то ли крики тех, кто уже не помнит своего имени.

Меня охватило странное оцепенение — словно сама жизнь медленно покидала моё тело. Руки онемели, а следом и всё тело стало чужим, тяжёлым, как проклятый доспех. Но сквозь эту дремотную мглу я ощущал, как по кончикам пальцев бегут искры — будто неведомая сила пыталась разбудить во мне что-то спящее.

Я нащупал под собой холодный камень — это был вход в пещеру, или, быть может, глубокая расщелина, что зияла в чреве земли. Вокруг — лишь мрак, густой и живой, словно он наблюдал за мной в ответ. Я не мог разглядеть ничего, но чувствовал: это место помнит больше, чем смеет рассказать.

Я решил остаться здесь — хотя бы на время, чтобы перевести дух и понять, кто я теперь в этом новом, тёмном мире.

Я очнулся от скрежета — словно кто-то точил клинок о

камень совсем рядом. Открыв глаза, я увидел багровое свечение, пульсирующее в глубине пещеры. Там, в алом полумраке, лежало чьё-то тело.

Это была девушка.

Но стоило мне приглядеться — и дыхание перехватило. Из её головы, извиваясь, поднимались рога — не грубые, звериные, а словно выточенные из чёрного обсидиана, с тонкими узорами, будто сама тьма впиталась в кость. А за её спиной лежал хвост — гибкий, с острым наконечником, похожим на наконечник стрелы. Она была прекрасна той опасной красотой, что свойственна существам из древних легенд.

Я замер. Суккуб? Демон? Или что-то иное, о чём молчат свитки?

Я решил не приближаться. Лишь наблюдал, затаив дыхание, как она медленно приходит в себя.

А затем — она исчезла.

Не встала, не отползла. Просто растворилась в воздухе, как утренний туман.

— Привет, — раздался голос прямо за моей спиной.

Я вздрогнул и обернулся. Она стояла в двух шагах, склонив голову набок, и с любопытством разглядывала меня.

— Э-э... привет, — выдавил я, отступая на шаг. — Только, пожалуйста... не убивай меня. Я безобидный.

Она рассмеялась — легко, звонко, совсем не по-демонически.

— Я Кира. И почему я вся красная? И что у меня на го-

лове? Мне что-то мешает... Это рога, что ли?

Я кивнул, стараясь не смотреть на острый кончик её хвоста:

— Мм... да. И ещё хвост.

— А, это я уже заметила, — она махнула рукой, и хвост дёрнулся следом, будто жил своей жизнью. — Слушай, я вообще ничего не помню. Кто ты?

— Меня зовут Юки Рейн, — ответил я.

Кира улыбнулась, и в её глазах мелькнула искорка:

— Необычное имя. Для этого мира.

— Да я и сам не понимаю, что за мир... Как я здесь оказался? Где мы вообще?

Она пожала плечами, и алое свечение в глубине пещеры вдруг вспыхнуло ярче — будто кто-то услышал мой вопрос.

— Хороший вопрос, — тихо сказала Кира, глядя в ту сторону. — Пойдём, узнаем вместе.

Мы двинулись вглубь пещеры. Коридор становился всё уже, стены смыкались вокруг нас, и красное свечение разгоралось всё ярче. Воздух стал тёплым и плотным, будто мы спускались в самое сердце вулкана. Стены вокруг менялись: серый камень переходил в багровый, покрытый тонкими прожилками, словно вены древнего исполина.

— Ты чувствуешь это? — спросила Кира, не оборачиваясь.

— Что именно?

— Пульс. Земля... пульсирует. Под нашими ногами.

Я прислушался. И правда — едва уловимый, но настойчивый ритм, словно сердцебиение. Только шло оно не из моей груди, а отовсюду вокруг, будто сама пещера была живым существом.

Мы прошли ещё немного, и коридор резко расширился. Впереди, в небольшом углублении, прямо на каменном постаменте лежал кристалл. Не огромный, размером с человеческую голову, но от него исходил тот самый багровый свет, который мы видели издалека.

Он пульсировал. Медленно, ровно, как сердце.

Я подошёл ближе и увидел, что кристалл не просто светится — внутри него, в самой глубине, что-то двигалось. Тени. Смутные силуэты, которые проплывали внутри камня, как рыбы в тёмной воде. Они то проявлялись, то исчезали, и от этого зрелища по спине пробежал холодок.

Кира встала рядом со мной. Хвост её напрягся, она смотрела на кристалл не отрываясь.

— Это не просто камень, — тихо сказала она. — Он живой.

Я заметил, что на постаменте, рядом с кристаллом, есть странное углубление — по форме напоминающее человеческую ладонь.

— Смотри, — я указал на него. — Здесь что-то есть.

Кира наклонилась, разглядывая впадину, затем подняла на меня взгляд. В её глазах отражался багровый свет, и она выглядела одновременно заворожённой и испуганной.

— Оно ждёт, — сказала она. — Это место ждёт, когда кто-то прикоснётся.

— И что тогда будет?

— Не знаю. Но мне кажется... это единственный способ узнать, зачем мы здесь.

Я открыл глаза.

Кристалл больше не был мутным. Он стал прозрачным, и внутри него — я мог поклясться — открылись глаза. Сотни глаз. Они смотрели на нас со всех граней, моргали вразнобой, и в каждом горел тот же багровый огонь, что теперь пульсировал в моей ладони.

А затем они заговорили.

Не голосом — дрожью. Вибрацией, что прошла сквозь камень под ногами, поднялась по позвоночнику, заставила волосы встать дыбом, а сердце — пропустить удар.

«Ты вернулся»

Не слова. Не звук. Мысль, вложенная прямо в череп, как лезвие в ножны. От неё потекли слёзы — я даже не понял, от боли или от чего-то древнего, что отозвалось внутри.

Я отшатнулся. Выдернул руку из углубления.

Свет погас так же резко, как и вспыхнул. Кристалл снова стал тёмным — но теперь в его глубине клубились тени. Живые. Нетерпеливые. Они тёрлись о внутреннюю поверхность камня, как звери о прутья клетки.

— Юки? — Кира коснулась моего плеча. — Ты в порядке? Ты побледнел.

Я моргнул, пытаюсь прийти в себя. Голос всё ещё звенел в голове, как отголосок колокола. Она не слышала его. Конечно, не слышала — это звучало только внутри меня, в самой глубине черепа.

— Да, — выдохнул я. — Просто... вспышка была слишком яркой.

Она посмотрела на меня недоверчиво, но промолчала. Затем перевела взгляд на кристалл.

— Он изменился, — тихо сказала она. — Раньше он был мутным. Теперь... внутри что-то движется.

— Тени, — сказал я. — Я вижу их.

Кира кивнула, не отрывая взгляда от камня. Хвост её напругся.

— Ты что-нибудь почувствовал? Когда коснулся?

Я посмотрел на свою ладонь. На ней, там, где лежала на камне, проступил узор — тонкий, красноватый, как ветви дерева, что растёт из-под кожи. Он пульсировал, подстраиваясь под ритм, что гудел под нашими ногами.

— Оно говорило со мной, — сказал я. — Не голосом. Мыслью. Оно сказала: «Ты вернулся».

Кира нахмурилась.

— «Вернулся»? Ты был здесь раньше?

— Я не знаю. Я ничего не помню. Но моя ладонь легла в это углубление, как ключ в замок. Будто оно ждало именно меня.

— Или того, кто был до тебя, — эхом отозвалась Кира.

Мы переглянулись. В её глазах я видел тот же вопрос, что вертелся в моей голове: если я — "вернулся", то кем я был раньше? И почему это место выбрало меня?

Позади нас послышался шорох.

Я обернулся — и увидел, что из трещин в стенах сочится багровый свет. Он тянулся к нам, как живой. Стелился по полу, собирался у наших ног, лизал сапоги, будто пробовал на вкус.

— Нам нужно уходить, — сказал я.

— Согласна, — Кира уже пятилась к выходу. Но остановилась. — Куда? Мы даже не знаем, где выход.

Я посмотрел в ту сторону, откуда мы пришли. Коридор тонул во тьме — но теперь, когда багровый свет заливал пещеру, я заметил то, чего не видел раньше. В стене, у самого входа, проступили символы. Они не были вырезаны — они проявились, будто всегда жили в камне, ожидая момента, когда их позовут.

— Смотри, — я указал на них. — Этого раньше не было.

Кира подошла к стене. Провела пальцами по символам — и те вспыхнули ярче, загораясь один за другим, как огни в окнах далёкого города. По пещере прокатился гул — низкий, протяжный, как рёв пробуждающегося органа.

— Древние письмена, — прошептала она. — Я не понимаю их... но чувствую. Они говорят о двери.

— О какой двери?

— О той, что откроется, когда придёт тот, кто вернулся.

Я сглотнул. Узор на ладони запульсировал сильнее — до боли.

И стена перед нами дрогнула.

Камень пошёл волнами, как вода. Символы вспыхнули все разом — багрово, ослепительно, — и в центре стены начала проступать дверь. Не та, что мы искали. Другая. Высокая, в три человеческих роста, с аркой, украшенной резьбой, которую я не мог разобрать, но которая заставляла что-то внутри меня сжиматься.

Кира отступила на шаг. Хвост её вздыбился.

— Юки... — голос её сел. — Ты видишь то же, что и я?

— Зависит от того, что видишь ты.

— Я вижу дверь, которая не была здесь секунду назад. И... — она запнулась. — Я вижу, что она открывается.

Дверь не скрипела. Она вздохнула — глубоко, протяжно, как человек, который слишком долго спал. И в щель между створками хлынул свет. Не багровый. Не тёплый.

Холодный. Белый. Как свет луны в самую мёртвую ночь.

И из этого света — шагнула тень.

Я услышал голос. Только я. Он прозвучал в моей голове, как шепот, который я знал с детства.

«Здравствуй, Юки. Я ждал тебя»

Моё сердце остановилось.

Потому что голос принадлежал мне.

Дверь распахнулась полностью.

За ней не было коридора. Не было зала. Не было ничего,

что можно было бы назвать пространством — лишь бесконечная белая пустота, которая простиралась во все стороны, насколько хватало взгляда. Но в центре этой пустоты висело ОНО.

Багровое око.

Огромное, в несколько раз больше меня, оно парило в воздухе, не касаясь ничего. Зрачок — вертикальный, как у змеи — метался из стороны в сторону, то сужаясь, то расширяясь. Оно не моргало. Оно сканировало.

По пустоте прокатилась дрожь, когда взгляд Ока упал на меня. Я замер, чувствуя, как этот взгляд проникает сквозь кожу, сквозь мышцы, сквозь кости — до самой сути. Оно изучало меня. Взвешивало. Оценивало.

А затем его взгляд сместился.

На Киру.

Око замерло. Зрачок расширился до предела, поглотив всю радужку, — и в тот же миг белая пустота вокруг нас вспыхнула багровым. Свет стал густым, как кровь, он давил со всех сторон, и воздух задрожал от низкого, угрожающего гула, который, казалось, рождался в самой земле.

— Юки... — голос Киры сорвался. Она отступила на шаг, хвост её вздыбился, рога словно заострились на глазах. — Оно... оно смотрит на меня.

Око взревело.

Не звуком — силой. Волной давления, что обрушилась на нас, прижимая к полу. Я упал на колени, пытаюсь поднять

голову. Око билось в конвульсиях, его взгляд метался между Кирой и мной, но каждый раз, когда зрачок возвращался к ней, пустота содрогалась от новой волны ярости.

«ОН ДОЛЖЕН БЫТЬ ОДИН» — голос в моей голове был не моим. Он был древним. Тяжёлым. Он давил на череп изнутри, заставляя зубы скрежетать. «ОНА НЕ ДОЛЖНА БЫТЬ ЗДЕСЬ. ОНА ИЗ ЧУЖОГО РОДА. ОНА ПРИНЕСЁТ ПАДЕНИЕ»

Кира закричала.

Багровый свет сгустился вокруг неё, как живая удавка. Он оплетал её руки, её ноги, её шею. Она рванулась, но путы держали крепко. Хвост её бился в агонии.

— Юки! — крикнула она, и в голосе её был страх, который я не слышал раньше. — Помоги!

Я рванулся вперёд. Свет ударил в меня, но не тронул — он расступался передо мной, как вода перед носом корабля. Око следило за мной, и в его взгляде я видел недоумение. Оно не понимало. Почему его свет не причиняет мне вреда?

«ОНА ОПАСНА» — голос гремел в голове. «ОНА ИЗ РОДА, ЧТО ПРЕДАЛ НАС. ОНА ПРИШЛА УБИТЬ ТЕБЯ»

— Нет! — крикнул я, хватая Киру за руку. — Она не враг! Багровые путы дрогнули. Но не отпустили.

— Она не помнит! — крикнул я, глядя прямо в зрачок. — Она не знает, кто она! Она проснулась здесь, как и я! Она не виновата!

Око замерло.

Пустота затихла. Гул стих, превратившись в тонкий, едва слышный свист. Зрачок сузился — медленно, неохотно, — и багровые пути вокруг Киры начали таять, как снег под весенним солнцем.

Кира рухнула на колени, хватая ртом воздух. Я поддержал её, чувствуя, как она дрожит.

Око смотрело на нас. Теперь в его взгляде не было ярости — лишь что-то, похожее на... сомнение?

«ТЫ ЗАЩИЩАЕШЬ ЕЁ» — голос стал тише. Почти шёпотом. «ТЫ ВЫБИРАЕШЬ ЕЁ»

— Да, — ответил я твёрдо. — Выбираю.

Долгая пауза. Багровое око медленно моргнуло — впервые с тех пор, как мы его увидели. И в этом жесте было что-то почти человеческое. Усталое.

«ТОГДА ИДИ» — произнёс голос. «НО ПОМНИ: КРОВЬ НЕ ЛЖЁТ. И КОГДА ОНА ПРОСНЁТСЯ — ОНА ВСПОМНИТ, КТО ОНА. И ТОГДА ТЫ УЗНАЕШЬ, ПРАВИЛЬНО ЛИ СДЕЛАЛ ВЫБОР»

Белая пустота дрогнула.

Око начало таять, растворяясь в воздухе, как утренний туман. Свет померк. Пол под ногами стал твёрдым — мы снова стояли в пещере, перед дверью, которая медленно закрывалась, поглощая последние отблески белого сияния.

Когда створки сомкнулись, пещера погрузилась во тьму. Только узор на моей ладони светился багровым, разгоняя мрак вокруг нас.

Кира поднялась на ноги. Она была бледной, но держалась ровно.

— Что это было? — спросила она. Голос её был хриплым, но твёрдым. — Что оно говорило тебе?

Я смотрел на неё. На её рога, на хвост, на глаза, в которых всё ещё плескался страх. И думал о том, что сказало Око.

«Она из рода, что предал нас»

«Она принесёт падение»

«Она вспомнит, кто она»

— Оно сказало, что я должен идти, — ответил я. — И что дорога впереди длинная.

Кира прищурилась. Она явно не поверила до конца. Но промолчала.

— Ладно, — сказала она. — Тогда идём. Но если это чудовище вернётся, я хочу быть готова.

Я кивнул и посмотрел на свою ладонь. Узор пульсировал, указывая направление — вглубь пещеры, туда, откуда мы пришли. Но теперь я чувствовал: там, за поворотом, нас ждёт что-то новое.

Мы двинулись в путь. И я не знал, сколько ещё поворотов ждёт нас впереди.

Но одно я знал точно: что бы ни скрывала тьма, я не оставлю Киру. Даже если Око было право. Даже если она действительно опасна.

Потому что выбор уже был сделан.

Глава 2

Мы шли молча.

Узор на моей ладони пульсировал в такт шагам, отбрасывая багровые блики на стены тоннеля. Коридор петлял, нырял вниз, расширялся до размеров зала и снова сжимался до щели, в которую приходилось протискиваться боком. Воздух становился теплее. Пахло сухой травой и чем-то сладким — приторным, как перезревшие фрукты.

Я краем глаза посмотрел на Киру. Она шла в двух шагах позади, глядя себе под ноги. Мы знали друг друга всего несколько часов — с тех пор, как оба проснулись в этом подземелье, не помня ни своего прошлого, ни того, как сюда попали. Она появилась из тьмы бокового коридора, когда я пытался понять, где нахожусь, — с рогами, хвостом и настороженным взглядом, который смягчился лишь после того, как я опустил оружие.

С тех пор мы держались вместе. Не потому, что доверяли друг другу. Просто так было безопаснее.

— Здесь кто-то живёт, — сказала Кира, остановившись.

Я прислушался. Тишина была плотной, но не мёртвой. Где-то далеко капала вода. Где-то ещё дальше — будто скреблись когти по камню.

— Или что-то живёт, — поправил я.

Кира не ответила. Она смотрела вперёд, и хвост её мед-

ленно опустился — признак того, что она успокоилась. Или готовится к прыжку. За то короткое время, что мы были знакомы, я уже начал замечать её привычки. Она делала так каждый раз, когда чувствовала опасность.

Тоннель вывел нас в огромный зал, потолок которого терялся во тьме. Но не пустой зал — он был залит светом, исходящим от деревьев. Настоящих деревьев, росших прямо из каменного пола. Их стволы светились мягким янтарным светом, листья переливались золотом и медью, а корни стелились по земле, как живые реки.

— Лес... под землёй? — прошептала Кира.

Я не ответил. Потому что увидел тропу.

Она вилась между деревьями, вымощенная пеплом — серебристым, мерцающим, будто в каждом кристаллике пепла горела крошечная звезда. Тропа Пепла. Я не знал, откуда я знаю это название, но оно всплыло в голове само, как всплывает имя, которое слышал когда-то во сне.

Узор на ладони вспыхнул ярче. Тропа ждала.

— Мы должны идти по ней, — сказал я.

Кира колебалась. Она смотрела на пепел, и в глазах её читалась тревога.

— Юки... — начала она, и я вздрогнул от того, как естественно прозвучало моё имя в её устах. Мы едва знали друг друга, но она произнесла его так, будто звала меня так всю жизнь. — Я чувствую что-то. Здесь. В этом лесу.

— Что?

— Не знаю. Память. Чужую память. Она тянется ко мне, как корни.

Я взял её за руку. Пальцы её были холодными. Она не отдернула ладонь — и это что-то значило для нас обоих.

— Тогда пойдём вместе. Что бы ни было впереди — мы справимся.

Она посмотрела на меня. Насмешливо подняла бровь.

— Мы знакомы всего несколько часов, — сказала она. — А ты уже говоришь «мы справимся». Откуда такая уверенность?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Но она есть.

Она фыркнула, но улыбнулась — уголками губ. И это была первая настоящая улыбка, которую я видел на её лице.

Мы ступили на Тропу Пепла.

Пепел мягко хрустел под ногами. С каждым шагом свет деревьев становился ярче, а воздух — гуще. Пахло мёдом и железом. Где-то в глубине леса пели — тонко, протяжно, на языке, которого я не знал, но который понимал сердцем.

— Это место помнит, — тихо сказала Кира. — Оно помнит всё. Каждого, кто ступал сюда.

— Что оно помнит?

— Войну. — Она остановилась. Голос её дрогнул. — Оно помнит войну, Юки. Великую. Кровь лилась реками. И здесь... здесь погибло много наших.

— наших?

Кира замолчала. Она смотрела на свои руки, и я видел, как они дрожат.

— Я не знаю, почему я это сказала, — прошептала она. — Я не помню. Я вообще ничего не помню о себе, кроме последних часов. Но я чувствую. Это место — оно часть меня. Как будто я была здесь раньше. Как будто я...

Она не договорила.

Пепел под её ногами вспыхнул.

Серебристый свет взметнулся вверх, окутывая её фигуру, и Кира вскрикнула — не от боли, а от узнавания. Её глаза расширились. Рога вспыхнули тёмным пламенем. И я увидел то, что было скрыто всё это время: на её шее, под воротником, проступил символ. Тот же, что был на стене в пещере.

— Кира!

Она обернулась ко мне. В глазах её стояли слёзы — но она улыбалась. Улыбалась так, как улыбаются, когда понимают то, что давно должны были понять.

— Я вспомнила, — сказала она. Голос её был тихим, но в нём звенела сталь. — Я вспомнила, кто я.

— Что ты вспомнила? — Я шагнул к ней, но пепел между нами вспыхнул стеной огня. — Кира, что происходит?

— Я — последняя из рода Пепельных, — сказала она. Голос её дрожал, но слова были чёткими, будто она повторяла их сотни раз во сне. — Того рода, что предал Око. Что разрушил древний союз. Что принёс падение этому месту. Я не случайно проснулась рядом с тобой, Юки. Я была послана,

чтобы найти тебя. Чтобы остановить тебя.

— Что? Нет. Кира, ты не...

— Я не знала, — слёзы катились по её щекам, оставляя серебристые дорожки. — Я не помнила. Я проснулась в этом подземелье, как и ты, не зная ничего. Я думала, мы просто двое потерянных. Но теперь я помню. И Око было право. Я опасна. Я принесу падение.

Пепел поднимался вокруг неё, обвивая её тело, как саван. Она не сопротивлялась. Она смотрела на меня, и взгляд её был полон боли и нежности одновременно — так смотрят на того, кого уже не надеются увидеть.

— Прости меня, — прошептала она. — Прости, что не сказала раньше. Прости, что мы встретились так поздно. Прости, что я — это я.

— Нет! — Я рванулся сквозь огонь. Он жёг меня, но я не чувствовал боли. — Кира, стой! Мы можем разобраться! Мы можем...

— Не можем, — она покачала головой. — Тропа Пепла не прощает долгов. Я должна уйти, Юки. Чтобы ты мог идти дальше. Чтобы Око доверилось тебе.

— Я не хочу идти дальше без тебя! — крикнул я. И это было правдой. Мы знали друг друга всего несколько часов, но за эти часы она стала для меня тем, чем не становился никто за всю мою память. А моя память была пуста. — Ты — единственное, что у меня есть. Я не знаю, кто я. Я не знаю, куда иду. Но я знаю, что рядом с тобой я чувствовал себя...

живым.

Она улыбнулась — сквозь слёзы, сквозь боль, сквозь всё.
— Ты найдёшь свой путь, — сказала она. — Я верю в это.
И когда ты вспомнишь, кто ты... когда ты пройдёшь путь до конца... я буду ждать тебя. На той стороне.

Пепел взметнулся вихрем. Свет деревьев померк. И Кира начала растворяться — сначала ноги, потом руки, потом тело. Она не кричала. Она просто смотрела на меня, и слёзы её — серебристые, как пепел этой тропы — стекали по щекам в последний раз.

— Кира! — закричал я, бросаясь в вихрь. — КИРА!

Но пепел уже оседал. Вихрь стихал.

И когда он рассеялся, я стоял один.

Только на том месте, где она стояла, лежал маленький серебряный амулет — в форме рога, переплетённого с ветвью. Тёплый. Живой.

Я поднял его. Сжал в ладони. Он был ещё тёплым от её тела.

Узор на руке пульсировал в такт моему сердцу — но теперь в нём было что-то новое. Что-то, что я не чувствовал раньше.

Горечь.

Я стоял посреди золотого леса, под землёй, на Тропе Пепла. И впервые за всё время я не знал, что делать дальше.

Мы знали друг друга всего несколько часов. Но амулет был тёплым.

И это значило, что она не ушла навсегда.

Глава 3

Я стоял посреди золотого леса, сжимая в ладони тёплый амулет.

Пепел под ногами больше не мерцал — серебристый свет погас, будто вместе с Кирой ушла и жизнь этой тропы. Деревья вокруг всё ещё светились янтарём, но свет их казался тусклее, приглушённое, словно лес скорбел вместе со мной.

Я не знал, сколько стоял так. Минуту. Час. Вечность.

Амулет пульсировал в моей руке — тепло её тела ещё не остыло, будто Кира только что разжала пальцы. Я сжал его крепче, чувствуя, как серебро отзывается на мой пульс, как живое существо. Внутри металла, в самой глубине, что-то мерцало — крошечная искра, похожая на застывшую звезду.

— Ты чувствуешь её, да? — прошептал я, глядя на амулет.
— Ты чувствуешь, куда она ушла.

Серебро вспыхнуло в ответ — коротко, но ярко.

И в этот момент я увидел.

Тропа, по которой я пришёл, больше не была единственной. От того места, где стояла Кира, вглубь леса уходила новая тропа — тонкая, едва заметная нить серебристого света, пульсирующая в такт моему сердцу.

Я пошёл по ней.

Лес вокруг менялся. Золотые деревья становились выше, их стволы толще, а корни — массивнее. Они поднимались из

земли, образуя арки и своды, как в древнем соборе. Воздух густел, наполняясь запахом смолы, мёда и старой магии. Где-то глубоко под землёй что-то гудело — низко, ритмично, как бьющееся сердце.

Я остановился.

Передо мной было дерево.

Оно отличалось от всех остальных. Не золотое — чёрное. Чёрное, как обсидиан, с корой, испещрённой светящимися рунами, которые пульсировали в том же ритме, что и моё сердце. Его ветви тянулись к невидимому потолку, переплетаясь в сложный узор, а корни уходили глубоко в землю. И на них — я увидел это, подойдя ближе — висели амулеты. Сотни. Тысячи. Серебряные рога, переплетённые с ветвями. Такие же, как тот, что я держал в руке.

Это было кладбище.

Не тел — памяти. Каждый амулет хранил чью-то историю. Чью-то жизнь. Чью-то смерть.

— Ты пришёл, — голос был не громким, но он заполнил всё пространство вокруг, проникая в каждую клетку моего тела. — Я ждал тебя.

Дерево ожило.

Не в прямом смысле — но его руны вспыхнули ярче, и в центре ствола проявилось лицо. Древнее. Мудрое. С глазами, похожими на два тлеющих угля.

— Кто ты? — спросил я. Голос мой прозвучал тихо в этом святилище.

— Я — Сердце Леса, — ответило дерево. — Хранитель Тропы Пепла. Я видел, как приходили и уходили. Я видел, как расцветали и увядали. Я видел, как твоя спутница ушла.

— Она не спутница, — сказал я. — Она... она была...

— Она была всем, что ты успел узнать, — дерево склонило ветви. — Я знаю. Я чувствую её след в тебе. Он свежий. Но он не первый.

Я нахмурился.

— Что ты имеешь в виду?

Дерево молчало долго. Его руны мерцали, переливаясь, будто оно размышляло. Наконец оно заговорило — и голос его стал глубже, словно он поднимался из самых недр земли:

— Ты был здесь раньше, Юки. Много эпох назад. Ты стоял на этом самом месте, держа в руке точно такой же амулет. И ты плакал.

Слова ударили меня, как физический удар. Я отшатнулся.

— Нет. Я бы помнил.

— Память — это не то, что ты хранишь. Это то, что хранит тебя. — Дерево качнуло ветвями. — Ты — не первый Юки. И Кира — не последняя Кира. Вы встречаетесь снова и снова. В каждом цикле. В каждом мире. И каждый раз одно и то же: вы находите друг друга, и каждый раз вы теряете друг друга.

Мир вокруг меня поплыл. Золотой лес, чёрное дерево, руны, амулеты — всё смешалось в водовороте. Но я устоял. Я сжал амулет Киры крепче.

— Почему? — спросил я. — Почему это повторяется?

— Потому что такова цена, — ответило дерево. — Ты — Избранный Ока. Ты должен пройти путь. А она — последняя из Пепельных. Её род был проклят за предательство. Ваши судьбы переплетены, но направлены в разные стороны. Она должна уйти, чтобы ты мог идти. И ты должен идти, чтобы она могла вернуться.

— Вернуться? — Я вскинул голову. — Она может вернуться?

Дерево снова замолчало. И в этом молчании я услышал шёпот листьев — они пели, как плакали. Как плакал я, стоя на этом месте много эпох назад.

— Всё, что уходит по Тропе Пепла, возвращается через Сердце Леса, — наконец сказала дерево. — Но для этого нужен ключ. Тот, кто будет достаточно силен, чтобы открыть путь. Тот, кто сможет заплатить цену.

Я посмотрел на амулет. Он пульсировал в моей ладони, тёплый и живой.

— Какую цену?

Дерево не ответило прямо. Вместо этого оно подняло одну из своих ветвей, и с неё сорвался амулет — точно такой же, как мой. Он упал в пепел у моих ног, и пепел вокруг него вспыхнул серебром.

— Ты уже знаешь, — сказала дерево. — Ты всегда знал. Просто ещё не вспомнил.

Я наклонился и поднял амулет. Он был холодным. Мёрт-

вым.

И вдруг — я увидел.

Видение накрыло меня, как волна.

Я стоял на этом же месте. Много эпох назад. В руках у меня был амулет — тёплый, живой. Рядом стояла девушка. С рогами. С хвостом. С глазами, полными слёз.

Она говорила:

— Я должна уйти. Чтобы ты мог пройти путь.

А я отвечал:

— Тогда я буду ждать тебя. В каждом мире. В каждом цикле. Пока не вернёшься.

И я отдал ей свой амулет. Тёплый. Живой. Отдал часть себя.

Она взяла его. И ушла в пепел. А я остался. И плакал.

Видение рассеялось.

Я стоял на коленях посреди золотого леса, сжимая в руках два амулета — один тёплый, один холодный. И я понимал, что должен сделать.

— Я должен отдать ей свой, — прошептал я. — Чтобы она могла вернуться.

Дерево молчало. Но его руны пульсировали медленнее — будто оно вздыхало.

— Ты помнишь, — сказала оно. — Наконец-то помнишь.

Я поднялся на ноги. Сжал тёплый амулет — амулет Киры. И холодный — тот, что был моим много эпох назад.

— Как мне вернуть её?

— Иди по тропе до конца, — ответило дерево. — Там, где Тропа Пепла встречается с Морем Забвения, ты найдёшь Врата. За ними — она. Но помни: Врата откроются только для того, кто готов заплатить цену.

— Я готов.

Дерево склонило ветви.

— Тогда иди. И пусть пепел помнит твой путь.

Я развернулся и пошёл.

Тропа Пепла снова мерцала под ногами — серебристая, живая. Она вела меня вглубь леса, прочь от чёрного дерева, прочь от кладбища амулетов. Я сжимал в одной руке амулет Киры, а в другой — свой. Древний. Холодный. Но теперь, когда я нёс его, он начал теплеть.

Где-то в глубине леса снова запели. Тонко, протяжно, на языке, который я теперь понимал.

Это была песня о том, как двое встречаются снова и снова. Как они теряют друг друга. Как они находят друг друга.

И о том, что в этот раз — в этот цикл — всё будет иначе.

Я шёл. И пепел помнил мой путь.

Глава 4

Тропа Пепла вилась между золотыми деревьями, и я шёл по ней, не чувствуя усталости. Время здесь текло иначе — я не знал, прошло ли несколько минут или несколько дней. Свет деревьев не менялся, воздух оставался тёплым и густым, а мои шаги звучали глухо, будто пепел впитывал каждый звук, каждое эхо.

Амулет Киры пульсировал в моей руке — ровно, спокойно. Амулет, что был моим когда-то, нагрелся и теперь лежал в другой ладони, как тёплый камень. Я не знал, что он значит. Не знал, зачем он мне. Но чувствовал — он важен. Он — часть пути.

Лес начал редеть.

Золотые деревья расступались, открывая пространство, залитое мягким серебристым светом. Я вышел на поляну — и остановился.

В центре поляны росло дерево. Не чёрное, как Сердце Леса, и не золотое, как остальные. Оно было белым. Белым, как снег, как лунный свет, как кость. Его листья дрожали, издавая тонкий перезвон, будто тысячи крошечных колокольчиков. А у его корней, в траве, сияла россыпь светлячков.

Но светлячки были не просто светлячками.

Они двигались. Слишком осмысленно. Слишком целенаправленно.

Я приблизился — и понял.

Это были не насекомые. Это были существа. Крошечные, ростом с мою ладонь, с прозрачными крылышками, мерцающими всеми цветами радуги. У них были милые, остренькие личики — с аккуратными носиками, пухлыми губками и живыми, блестящими глазами, в которых отражался свет белого дерева. Они кружили вокруг ствола, переговариваясь на языке, похожем на шелест листьев и звон ручьёв.

Пикси.

Я не знал, откуда я знаю это слово. Но оно пришло само, как приходили другие — тропа, пепел, Сердце Леса. Мой разум просыпался медленно, но верно, вспоминая вещи, которые я не помнил.

Одна из пикси заметила меня.

Она замерла в воздухе, наклонив голову. Её глаза — тёмно-синие, как ночное небо, но обычного размера, не огромные, — распахнулись от удивления. Она что-то прошептала своим сородичам, и те мгновенно разлетелись, спрятавшись в листве белого дерева.

Только она осталась.

Она медленно, осторожно подлетела ко мне. Кружила вокруг, изучая, как изучают необычное насекомое. Потом остановилась прямо перед моим лицом, сложила руки на груди и сказала — на чистом, человеческом языке:

— Ты не должен быть здесь.

Её голос был высоким, звенящим, но в нём чувствовалась

твёрдость.

— Я иду по Тропе Пепла, — ответил я.

— Тропа Пепла ведёт к Вратам, — сказала она. — А Врата — это конец. Ты знаешь, что ждёт тебя за ними?

— Я знаю, что я должен найти.

Пикси прищурилась. Она подлетела ближе, зависла в нескольких сантиметрах от моего носа. Я чувствовал запах её крыльев — пыльца, мёд и что-то древнее, как сам лес.

— Ты ищешь Пепельную, — сказала она. — Девушку с рогами. Твою спутницу.

Я вздрогнул.

— Откуда ты знаешь?

— Я видела, как она уходила, — пикси пожала плечами. — Я вижу многое. Я — Сигрид. Я помню все тропы этого леса. Я помню всех, кто по ним ходил.

Она замолчала, изучая меня. Потом её взгляд упал на амулеты в моих руках.

— О, — сказала она тихо. — Так вот оно что. Ты — Избранный. Ты — тот, кто возвращается.

— Ты знаешь обо мне?

— Я знаю о тебе больше, чем ты сам, — Сигрид усмехнулась — тонко, почти насмешливо. — Я знаю, что ты умирал здесь. Много раз. Я знаю, что ты возвращался. Много раз. И я знаю, что каждый раз ты искал её. И каждый раз ты терял её.

Горечь снова кольнула сердце.

— Тогда ты знаешь, почему я иду к Вратам.

Сигрид кивнула. Она опустила руку на мою ладонь — ту, что сжимала амулет Киры. Её ножки были лёгкими, как пух. Она коснулась серебра пальчиками и закрыла глаза. Её лицо — милое, с мягкими чертами — стало задумчивым.

— Она ещё там, — сказала она. — За Вратами. Она ждёт. Она всегда ждёт.

— Я верну её.

Сигрид открыла глаза. В них мерцала древняя печаль.

— Ты пытался. Каждый раз. И каждый раз цена оказывалась слишком высокой.

— Что за цена? — спросил я. — Сердце Леса сказало, что я узнаю, когда придёт время. Но я хочу знать сейчас.

Сигрид долго молчала. Она смотрела на меня, и в её глазах я видел отражение всех моих прошлых жизней — тысячи лиц, тысячи смертей, тысячи попыток.

Наконец она сказала:

— Чтобы открыть Врата, ты должен отдать то, что дороже всего. Не амулет. Не память. Не жизнь. — Она помолчала. — Ты должен отдать своё имя.

Я замер.

— Моё имя?

— Твоё настоящее имя. То, которое было дано тебе при рождении. То, которое ты носишь в каждой жизни. Если ты отдашь его, Врата откроются. Но ты забудешь, кто ты. Навсегда. Даже если ты вернёшь её, ты не вспомнишь себя. Ты

станешь пустым сосудом. Тенью.

Я сжал амулеты крепче.

— И что? — спросил я. — Если я забуду, кто я, но она будет рядом — разве это не важно?

Сигрид посмотрела на меня с жалостью.

— Она не узнает тебя, — сказала она. — Если ты забудешь своё имя, ты забудешь и её. Всё, что вы пережили вместе, исчезнет. Ты будешь чужим человеком, который привёл её из-за Врат. Она не вспомнит тебя. И ты не вспомнишь её.

Мир покачнулся.

Я смотрел на амулет Киры. Тёплый. Живой. Пульсирующий в такт моему сердцу.

— Тогда... — голос мой дрогнул. — Тогда какой смысл?

Сигрид вздохнула. Она поднялась с моей ладони, вспорхнула в воздух и зависла перед моим лицом. Её крылышки мерцали, отбрасывая радужные блики на белое дерево.

— Я не знаю, — честно ответила она. — Но я знаю одно: ты делал это раньше. Каждый раз. Ты отдавал своё имя. Ты забывал её. И всё равно, в следующей жизни, ты находил её снова. Снова и снова. — Она покачала головой. — Ваша связь сильнее памяти. Сильнее имён. Сильнее смерти.

Я молчал.

Сигрид смотрела на меня, и в её глазах я видел не жалость — уважение.

— Ты правда пойдёшь? — спросила она. — Зная цену?

Я посмотрел на Тропу Пепла, уходящую вдаль. На белое

дерево, шепчущее колокольчиками. На амулеты в руках — один тёплый, один живой.

— Да, — сказал я. — Пойду.

Сигрид улыбнулась — впервые по-настоящему. И в этой улыбке было что-то тёплое, что-то человеческое, несмотря на её крошечные размеры. Ямочки на её щеках делали её ещё милее.

— Тогда я пойду с тобой, — сказала она. — До Врат. Я не могу пройти за них — это запрещено. Но я провожу тебя до порога.

— Почему? — удивился я. — Почему ты хочешь помочь?

Она посмотрела на меня — и в её глазах мелькнула тень прошлого.

— Потому что я тоже когда-то любила. И я тоже отдала всё. И я тоже забыла. — Она помолчала. — Но я помню одно: тот, кто идёт по Тропе Пепла ради любви, заслуживает того, чтобы не идти в одиночку.

Она села мне на плечо, и я почувствовал тепло её крошечного тела.

— Пойдём, Избранный. Врата ждут.

И мы пошли. Вдвоём.

Тропа Пепла вилась между белыми деревьями, и где-то впереди, в самом конце пути, я чувствовал присутствие Кирры. Тёплое. Живое. Ждущее.

Амулеты пульсировали в моих руках — в такт моему сердцу.

И я шёл.

Глава 5

Мы шли долго. Тропа Пепла вилась между белыми деревьями, которые становились всё выше и выше, пока их кроны не сомкнулись над головой, образуя живой свод. Сквозь листья пробивался серебристый свет, падая на землю причудливыми узорами. Сигрид сидела у меня на плече, тихо напевая что-то мелодичное — её голосок смешивался с перезвоном листьев, создавая странную, успокаивающую музыку.

— Скоро будет опасно, — сказала она вдруг, оборвав песню.

— Откуда ты знаешь?

— Лес шепчет, — она наклонила голову, прислушиваясь к чему-то, чего я не слышал. — Впереди Тропа сужается. Там всегда прячутся твари. Они чувствуют тех, кто идёт к Вратам.

Я сжал амулеты крепче. Один — тёплый, живой. Другой — горячий, древний.

— Я справлюсь.

— Ты не понимаешь, — Сигрид покачала головой. — Это не обычные твари. Они рождены из пепла тех, кто не дошёл. Из их страха, из их боли, из их отчаяния. Они питаются памятью. Они знают твои слабости лучше, чем ты сам.

— Что ты предлагаешь?

Пикси помолчала. Потом спрыгнула с моего плеча,

вспорхнула в воздух и зависла перед моим лицом. Её глаза — обычные, но такие живые — смотрели на меня с неожиданной серьёзностью.

— Я могу дать тебе силу. Немного своей сущности. Этого хватит, чтобы сотворить оружие, способное ранить тварей из пепла. Но это опасно для меня. Я стану слабее. Если мы не найдём способ восстановить меня до Врат — я не смогу вернуться в лес.

— Я не хочу рисковать тобой, — сказал я.

— А я не хочу, чтобы ты умер, — парировала она. — Опять. Это будет уже слишком много смертей для одной тропы.

Она подлетела ближе. Я чувствовал, как от неё исходит тепло — живое, пульсирующее.

— Протяни руку, — сказала она.

Я повиновался. Сигрид опустилась на мою ладонь, прижалась к ней всем телом. И вдруг — вспыхнула.

Свет от неё был ослепительным. Я зажмурился, но даже сквозь закрытые веки видел, как он разгорается. В моей ладони что-то пульсировало — горячее, живое, сильное. Когда свет погас, я открыл глаза.

В моей руке лежал меч.

Он был лёгким, почти невесомым. Лезвие его переливалось всеми цветами радуги — как крылья Сигрид. Рукоять была увита серебристыми нитями, напоминающими корни белого дерева. От меча исходило тепло, и я чувствовал, как

он отзывается на моё сердцебиение.

Сигрид лежала на моей ладони — бледная, почти прозрачная, с потускневшими крылышками. Она выглядела измождённой.

— Сигрид? — Я поднёс её к лицу. — Ты как?

— Жива, — прошептала она. — Но теперь я долго не смогу летать. Ты понесёшь меня. Спрячь меня за пазухой — там тепло.

Я осторожно положил её за пазуху, к сердцу. Она свернулась там комочком, и я чувствовал её слабое дыхание.

— Меч... — сказала она едва слышно. — Он будет слушаться тебя, пока я жива. Но помни: он питается моей силой. Не затягивай бой.

Я кивнул и поднялся.

Меч в моей руке был лёгким, почти невесомым. Лезвие его переливалось всеми цветами радуги — как крылья Сигрид. Рукоять была увита серебристыми нитями, напоминающими корни белого дерева. От меча исходило тепло, и я чувствовал, как он отзывается на моё сердцебиение.

Я сделал шаг вперёд. И в этот момент Тропа Пепла под ногами взорвалась.

Пепел взметнулся в воздух, закручиваясь в вихри. Деревья по обе стороны тропы затрещали, сгибаясь, будто под ураганом. И из этого хаоса — из самого центра бури — поднялось оно.

Тварь.

Я не мог назвать её иначе. Она была огромной — выше деревьев, шире тропы. Её тело состояло из пепла и тьмы, сплетённых в жуткие, неестественные формы. У неё не было лица — только глубокая, чёрная пустота, из которой горели два красных уголька глаз. Из спины торчали обломки костей, похожие на крылья. А из пасти — если это можно было назвать пастью — вырывался низкий, вибрирующий вой, от которого дрожала земля.

Я сжал меч.

— Юки... — раздался слабый голосок Сигрид из-за пазухи. — Помни. Это не просто тварь. Это твой страх. Твой гнев. Твоё отчаяние. Она будет бить по больному.

Тварь сделала шаг вперёд. Земля содрогнулась.

И вдруг — она заговорила.

Её голос был не одним голосом. Это был хор. Хор голосов — мой собственный, Киры, Сигрид, тысячи других, сплетённых в какофонию боли.

— Ты не дойдёшь, — прошипела она. — Ты слаб. Ты всегда был слаб. Ты потерял её. Ты потеряешь её снова. Ты — ничто. Пепел. Прах. Ты не заслуживаешь имени.

Слова впивались в меня, как иглы. Я чувствовал, как они находят слабые места, как вскрывают старые раны. Моя рука дрогнула.

— Юки! — крикнула Сигрид. — Не слушай её! Она — твой страх. Она — не правда. Ты — Избранный. Ты — тот, кто возвращается. Ты — сильнее её.

Я сделал вдох. Выдох.

И шагнул вперёд.

Тварь заревела. Из её пасти вырвался столб пепла и тьмы, направленный прямо на меня. Я прыгнул в сторону, чувствуя, как жар проносится мимо, обжигая щёку. Меч в моей руке вспыхнул — радужные цвета закрутились вихрем.

Я атаковал.

Лезвие рассекло тварь по диагонали — от плеча к бедру. Раздался звук, похожий на шипение мокрого угля. Тварь взревела — но не от боли, а от ярости. Из раны хлынул пепел, но рана тут же затянулась.

— Плохо, — прошептала Сигрид. — Она регенерирует. Тебе нужно попасть в ядро. Оно внутри. В центре груди. Бей туда.

Тварь развернулась. Её лапа — массивная, из костей и пепла — обрушилась на меня. Я едва успел уйти, перекатившись по земле. Вскочил. Уклонился от второй лапы. Третья — задела плечо, и я почувствовал, как холод проникает в кости.

— Юки! — голос Сигрид был полон боли. — Я не могу долго поддерживать меч! Он тускнеет!

Я посмотрел на лезвие. Радужные цвета мерцали слабее.

Тварь замерла. Её красные глаза сузились. Она смотрела на меня — и вдруг её форма начала меняться. Пепел перетекал, перестраиваясь. Через мгновение передо мной стояла она.

Кира.

Не тварь. Кира. С рогами, с хвостом, с глазами, в которых отражалось золотое небо. Она улыбнулась — той самой улыбкой, которую я помнил, которую я искал.

— Юки, — сказала она моим голосом — её голосом, смешанными. — Зачем ты идёшь за мной? Я ушла, чтобы ты жил. Чтобы ты забыл. Чтобы ты пошёл дальше.

Моя рука опустилась.

— Это не она, — прошептала Сигрид. — Это тварь. Она принимает её облик. Она хочет, чтобы ты опустил меч.

Я знал. Я знал, что это не она. Но как же было больно видеть её лицо, слышать её голос, чувствовать её присутствие — даже поддельное.

— Юки, — сказала фальшивая Кира. — Пожалуйста. Остановись. Ты сделал достаточно. Ты можешь вернуться. Ты можешь жить. Я освобождаю тебя.

Я сжал меч.

— Нет, — сказал я. — Ты не она. Она бы никогда не сказала этого. Она бы никогда не отпустила меня.

Фальшивая Кира исказилась — её лицо поплыло, превращаясь в жуткую маску гнева. Тварь заревела, бросаясь на меня.

Я не уклонился. Я шагнул навстречу.

Меч вспыхнул — ярко, из последних сил Сигрид. Я вонзил его в грудь твари — туда, где должно было быть ядро. Лезвие погрузилось глубоко, и я почувствовал, как что-то

твёрдое сопротивляется — а потом поддаётся.

Тварь замерла.

На мгновение мир застыл. Потом — взрыв.

Пепел разлетелся в стороны, осыпая меня с ног до головы. Тварь рассыпалась, как карточный домик, обращаясь в ничто. И только ветер нёс её остатки прочь, в глубину леса.

Я стоял на коленях в центре поляны, тяжело дыша. Меч в моей руке погас — радужные цвета потускнели до серого. Я чувствовал, как Сигрид дрожит за пазухой — слабая, почти неживая.

— Сигрид? — Я сунул руку за пазуху, бережно достал её. Она была прозрачной, почти невесомой. Её крылышки безжизненно свисали.

— Я... — прошептала она. — Я ещё здесь. Но мне нужно время. Много времени. Ты должен идти дальше. Я не смогу провести тебя до Врат.

— Я не брошу тебя, — сказал я.

— Ты не бросаешь. Ты оставляешь меня в безопасном месте. — Она слабо улыбнулась. — Положи меня под белое дерево. Корни впитают меня. Я восстановлюсь. А когда ты вернёшься — если вернёшься — я встречу тебя.

Я огляделся. В нескольких шагах от тропы росло белое дерево — такое же, как то, где я встретил Сигрид. Его корни переплетались, образуя естественное гнездо.

Я отнёс её туда. Осторожно опустил на мох.

— Спасибо, Сигрид, — сказал я. — За меч. За всё.

— Иди, — сказала она, закрывая глаза. — Верни её. И возвращайся сам.

Я сжал амулет Киры — тёплый, живой. Поднялся. И пошёл дальше.

Тропа Пепла вела вперёд. И впереди, в самом конце, я чувствовал её присутствие. Ближе, чем раньше.

Врата ждали.

Глава 6

Тропа Пепла вновь стала тихой. Слишком тихой.

После битвы с тварью лес словно затаил дыхание. Деревья больше не звенели, светлячки не кружили, даже ветер стих, будто боялся потревожить тишину. Я шёл, сжимая в ладони амулет Киры — тёплый, живой. За пазухой больше не было лёгкого дыхания Сигрид, и это ощущалось как пустота. И не было меча — он исчез вместе с её силой, растворился, как утренний туман.

Каждый шаг давался тяжелее. Пепел под ногами стал глубже, липким, будто тянул меня вниз. Я чувствовал, как что-то холодное ползёт по спине, как будто невидимая рука касается моих лопаток. Амулет в руке пульсировал — но неровно, сбивчиво, как сердце в панике.

— Ты думаешь, ты победил меня, Избранный?

Голос пришёл из ниоткуда. И отовсюду.

Я замер. Оглянулся — вокруг не было никого. Только деревья, только пепел, только тишина.

— Я не умер, — прошептал голос. — Я — в тебе. Я — часть тебя. Ты вонзил клинок в моё сердце, но тем самым открыл дверь. Теперь я буду с тобой. Всегда.

Холод усилился. Он проникал в грудь, в кости, в самую суть. Я почувствовал, как ноги подкашиваются, как мир начинает плыть перед глазами. Колени ударились о пепел. Ру-

ки ослабли, амулет выскользнул и покатился в сторону.

— Что ты делаешь? — прохрипел я.

— Забираю тебя, — ответил голос. — Забираю тебя туда, откуда нет возврата. Между мирами. Между жизнью и смертью. Ты будешь там вечно — искать её, звать её, но никогда не найдёшь. Такова цена твоей гордыни.

Тьма сомкнулась надо мной.

Я очнулся от холода.

Он был везде — пронизывающий, ледяной, пробирающий до костей. Я лежал на чём-то твёрдом, шершавом, и надо мной простиралось небо — но не такое, как в Лесу Пепла. Оно было серым, мутным, без единого проблеска света. Ни солнца, ни звёзд, ни луны. Только бесконечная серая пелена.

Я сел, оглядываясь.

Я был на острове.

Небольшой клочок земли, окружённый водой — чёрной, гладкой, неподвижной. Вода не отражала небо, не отражала меня. Она была как зеркало без изображения. Пустая.

На острове не было деревьев. Не было травы. Только серая, потрескавшаяся земля. И в центре — камень. Одинокий, чёрный, высотой с меня.

Я попытался встать. Ноги слушались плохо, но я поднялся, шатаюсь. Пошарил рукой по поясу. Амулет Киры был на месте — тёплый, живой. Но второго амулета — древнего, горячего — не было. И меча, конечно, тоже. Меч исчез вместе с силой Сигрид, растворился, когда она осталась под белым

деревом.

— Проклятие, — прошептал я.

— Не совсем.

Голос раздался сзади. Я резко обернулся.

На краю острова, там, где чёрная вода встречалась с серой землёй, стояла фигура. Женщина. Она была высокой, тонкой, с кожей цвета пепла. Её волосы струились, как дым, не имея формы. Глаза — два красных уголька — смотрели на меня с насмешкой.

— Ты, — выдохнул я.

— Я, — подтвердила она. — Я — тварь, которую ты убил. Я — проклятие, которое ты принял. Я — та, кто забрала тебя из твоего мира.

Я сжал кулаки.

— Верни меня обратно.

— Не могу, — она пожала плечами. — Я — не проводник. Я — тюрьма. И ты — мой пленник. Мы будем здесь вечно, ты и я. Пока ты не сдашься. Пока ты не признаешь, что твой путь — пустота.

Она сделала шаг вперёд. Пепел под её ногами не шевелился — она не касалась земли. Она парила над ней, как дым, как тень.

— Знаешь, что самое забавное? — спросила она, наклоня голову. — Ты даже не понял, что наделал. Ты нёс меч — меч Сигрид, её силу, её дар. Она доверила тебе свою мощь, свою суть. А ты... ты просто вонзил клинок в моё сердце и

думал, что этого достаточно. Ты не подумал о ней. Не подумал о том, что будет после.

— Я спас её, — сказал я. — Я убил тебя, чтобы она была в безопасности.

— Спас? — Она рассмеялась — низко, гортанно, издевательски. — Ты оставил её. Ты ушёл. Она ослабла, Избранный. Она отдала тебе свою силу — и что осталось с ней? Ничего. Она — пустая оболочка под белым деревом. Она умирает. Медленно. Одиноко. А ты... ты здесь. Ты не можешь даже пошевелиться.

Я шагнул к ней. Но ноги не слушались. Они будто приросли к земле. Я попытался сделать ещё шаг — и упал на колени.

Она подплыла ближе. Наклонилась. Её лицо оказалось в нескольких дюймах от моего. Красные угольки глаз смотрели прямо в мои.

— Ты жалок, — прошептала она. — Ты знаешь это? Ты взял её силу — и потратил её. Ты израсходовал её дар, как монету, как дешёвую вещь. А теперь она там — одна, слабая, беспомощная. И она умрёт, потому что ты не смог защитить её. Потому что ты не смог даже удержать её силу.

— Это не так, — прохрипел я.

— Нет? — Она улыбнулась. Зубы — обломки костей, острые, гнилые. — Тогда почему ты не остался с ней? Почему ты не вернулся, чтобы помочь ей? Почему ты пошёл дальше — к своим Вратам, к своей Кире? Ты бросил её. Ты оставил

её умирать. Из-за тебя. Из-за твоей гордыни. Из-за твоего эгоизма.

Я стиснул зубы. Амулет Киры пульсировал в моей ладони — тёплый, живой. Единственное, что осталось.

— Кира, — прошептал я. — Она ждёт меня.

— Кира? — Тварь запрокинула голову и расхохоталась. — Кира! Та самая демоница, которую ты ищешь? Та, что ждёт у Врат? Бедный, глупый мальчик. Ты думаешь, она помнит тебя? Ты думаешь, она ждёт тебя? Она забыла твоё имя. Она забыла твоё лицо. Она уже нашла другого — сильнее, лучше, достойнее. А ты... ты здесь. Ты — ничто. Ты даже не смог защитить ту, что доверилась тебе.

— Замолчи! — крикнул я.

— Или что? — Она придвинулась ещё ближе. Её дыхание — холодное, гниlostное — коснулось моего лица. — Ты убьёшь меня? Ты уже пробовал. И вот я здесь. А ты — на коленях. Скажи мне, Избранный: кто из нас победил? Ты не смог убить меня. Ты лишь ранил меня — и выпустил проклятие. Ты не смог защитить Сигрид — и оставил её умирать. Ты не сможешь дойти до Врат — и не увидишь свою Киру. Ты — неудачник. Ты — пепел. Ты — ничто.

Я молчал. Слова застревали в горле. Амулет пульсировал — но я едва чувствовал его тепло сквозь ледяную хватку страха.

— Посмотри на себя, — продолжала она. — Ты — пепел. Ты — прах. Ты — ничто. Ты не дойдёшь до Врат. Ты не уви-

дишь свою Киру. Сигрид умрёт, потому что ты бросил её. И никто не вспомнит тебя. Никто не оплатит тебя. Ты будешь забыт, как забывают всё, что сгорает в огне.

Она выпрямилась. Отступила на шаг.

— Я оставлю тебя здесь, — сказала она. — Наедине с твоими мыслями. Наедине с твоей виной. Посмотрим, сколько ты протянешь, прежде чем сломаешься. Прежде чем признаешь, что твой путь — пустота. Прежде чем признаешь, что ты — никто.

Она растворилась в воздухе, как дым.

Я остался один.

Я не знал, сколько прошло времени. Здесь не было дня и ночи. Серое небо не менялось, чёрная вода не двигалась. Я сидел на камне в центре острова, сжимая амулет Киры, и пытался не сойти с ума.

Голос возвращался. Снова и снова. Он шептал мне в уши слова, которые я не хотел слышать.

— Она не ждёт тебя. Она забыла тебя. Ты не нужен ей.

— Ты слаб. Ты всегда был слаб.

— Ты не дойдёшь. Ты никогда не дойдёшь.

— Сигрид умирает. Из-за тебя. Она доверилась тебе — а ты предал её.

Я зажимал уши, но голос проникал сквозь пальцы, сквозь кожу, сквозь кости. Он был внутри меня. Он был мной.

И тогда я услышал другой голос.

Тихий. Далёкий. Но знакомый.

— Юки...

Я поднял голову.

Голос шёл из амулета. Тёплого. Живого. Амулета Кира.

— Юки, — повторил он. — Ты слышишь меня?

— Кира? — Я поднёс амулет к губам. — Кира, это ты?

— Я здесь, — ответила она. — Я всегда была здесь. В амулете. Я чувствую тебя. Я чувствую, что ты в беде.

— Я не могу выбраться, — сказал я. — Я в ловушке. Между мирами. У меня нет меча, нет силы Сигрид. Я пуст. И тварь... она права. Я бросил Сигрид. Я оставил её умирать. Я — ничто.

— Она не права, — твёрдо сказала Кира. — Ты — не ничто. Ты — Избранный. Ты — тот, кто возвращается. Меч был силой Сигрид. Но твоя сила — не меч. Твоя сила — в сердце. В памяти. Во мне.

— Я не помню, кто я, — признался я. — Я не помню своего имени. Я не помню, откуда пришёл. Только тебя. Только цель.

— Этого достаточно, — сказала она. — Пока ты помнишь меня — ты сможешь вернуться. Протяни руку. Держи амулет крепко. И думай обо мне. Думай о том, зачем ты идёшь. Думай о Вратах.

— А Сигрид? — спросил я. — Что если она умрёт, пока я здесь?

— Она не умрёт, — сказала Кира. — Она сильнее, чем ты думаешь. Она — дух меча, древний и могучий. Она ослабла

— но она не сломалась. Она будет ждать тебя. И ты вернёшься к ней. Ты спасёшь её. Но сначала — выберись отсюда.

Я сжал амулет. Закрыл глаза.

И вспомнил.

Тёплое золото её глаз. Рога, изогнутые, как молнии. Хвост, лениво покачивающийся из стороны в сторону. Её смех — звонкий, как колокольчики белого дерева. Её руки — обнимающие меня. Её голос — шепчущий моё имя.

Моё имя. Я не знал его. Но я знал, что она — моя. Что я — её. Что мы — вместе.

Я открыл глаза.

Тварь стояла передо мной. Она вернулась.

— Ты всё ещё здесь, — сказала она с усмешкой. — Я думала, ты сдашься быстрее. Но нет. Ты цепляешься за этот жалкий амулет. За этот кусок металла. Думаешь, она спасёт тебя? Думаешь, она придёт за тобой?

Я поднялся.

— Она уже здесь, — сказал я. — Она всегда была здесь.

Я сжал амулет крепче. И шагнул вперёд.

Серый мир дрожал. Треснул. Разлетелся.

Я стоял на Тропе Пепла. В руке — амулет Киры. Тёплый, живой. Серое небо исчезло, уступив место золотому свету Леса Пепла.

Позади меня, вдалеке, я слышал злобный, разочарованный вой твари — но он стихал, удаляясь, растворяясь в шорохе листьев.

Я сделал вдох. Выдох.

И пошёл дальше.

Без меча. Без Сигрид. Без древнего амулета. Только с тёплым, живым амулетом Киры в руке.

Врата ждали. И Кира ждала.

Но где-то там, под белым деревом, ждала и Сигрид. Ослабшая. Одинокая. И я обещал себе, что вернусь к ней. Когда дойду до Врат. Когда найду Киру.

Я вернусь.

Глава 7

Я бежал.

Пепел вздымался под ногами, лёгкие горели, но я не оставался. Тропа Пепла мелькала мимо — серая, бесконечная, но я знал дорогу. Я помнил каждое дерево, каждый поворот. Я помнил, где оставил её.

Сигрид.

Она доверилась мне. Она отдала свою силу, свою суть, свой меч — а я ушёл. Я оставил её под белым деревом, ослабшую, беспомощную. И теперь тварь была права: я бросил её. Я не вернулся сразу. Я позволил проклятию утащить меня в серый мир, я позволил сомнениям разъесть мою душу.

Но теперь я вернулся. И я найду её. Что бы ни случилось.

Лес начал меняться. Деревья становились выше, темнее, их ветви сплетались над головой в плотный полог, сквозь который едва пробивался золотой свет. Воздух стал гуще, тяжелее, будто напоённый древней магией. Я чувствовал это — то самое место. Место, где мы сражались с тварью. Место, где Сигрид отдала мне всё.

Я выбежал на поляну.

И остановился.

Белое дерево стояло на прежнем месте — огромное, величественное, с серебристой корой и листьями, мерцающими, как звёзды. Его корни уходили глубоко в землю, оплетая

камни и пепел. Оно было прекрасным. Оно было живым.

Но под ним никого не было.

— Сигрид? — позвал я.

Тишина.

Я подошёл ближе. Земля под деревом была ровной, утоптанной, будто кто-то лежал здесь — но давно. Ни следов борьбы. Ни крови. Ни единого признака того, что дух меча вообще был здесь.

— Сигрид! — крикнул я громче.

Ветер шевельнул листья. Они зашелестели — тихо, печально, как вздох.

Я опустился на колени у корней. Провёл ладонью по земле. Она была тёплой. Живой. Но пустой.

— Нет, — прошептал я. — Нет, нет, нет...

Она не могла просто исчезнуть. Она была ранена, ослаблена, она едва держалась — я видел это. Я чувствовал, как её сила утекает, как она тает в моих руках. И я оставил её. Я ушёл.

А теперь её нет.

— Прости меня, — сказал я в пустоту. — Прости...

И тогда дерево заговорило.

Голос был тихим, древним, шуршащим, как листья под ветром. Он шёл не извне — он шёл из самой сердцевины ствола, из глубины корней, из самой земли под моими коленями.

— Ты вернулся, Избранный.

Я поднял голову.

Белое дерево дрожало. Его ствол пульсировал — медленно, мерно, как сердце. Кора пошла трещинами, и из них хлынул свет — мягкий, тёплый, золотистый. Листья зашелестели, запели, зазвенели, как тысячи крошечных колокольчиков. И в этом свете, в этом пении, я услышал знакомый голос.

— Ты убил её. Ты убил тварь, что держала меня в оковах.

Я вскочил на ноги.

— Сигрид? Где она? Что ты с ней сделал?

Дерево молчало. Долго. Потом заговорило снова — и в его голосе я услышал нечто новое. Не печаль. Не скорбь. А благодарность.

— Я хранил её, Избранный. Я впитал её в себя, когда она умирала. Я питал её своей силой, своей сутью, своей жизнью. Я растил её внутри себя — не как духа, не как тень, а как нечто новое. Нечто живое.

Ствол дерева вспыхнул. Кора разошлась, как занавес, и из светящейся сердцевины шагнула она.

Сигрид.

Но не та Сигрид, что я знал. Не полупрозрачный дух, не золотой туман, не бесплотная тень. Она была настоящей. Живой. Плотной.

Высокая, тонкая, с кожей, отливающей серебром, как кора белого дерева. Волосы — длинные, белые, струящиеся до пояса, с прядями, мерцающими золотом. Глаза — янтарные, глубокие, как мёд. Она была одета в лёгкое белое одеяние,

сотканное из света и листьев, и на её груди пульсировал слабый золотой свет — сердце, настоящее сердце.

Она стояла на земле. Босая. Живая. И она смотрела на меня.

— Юки, — сказала она. Её голос был не эхом, не шёпотом ветра. Он был тёплым, живым, человеческим. — Ты вернулся.

Я не мог пошевелиться. Не мог дышать.

— Сигрид? — выдохнул я. — Это... это ты?

Она улыбнулась. Мягко, тепло, чуть грустно.

— Это я. Или то, чем я стала. Дерево дало мне новую жизнь. Новую форму. Новую суть. Я больше не дух меча, Юки. Я — живая.

Я шагнул к ней. Протянул руку. Коснулся её щеки.

Она была тёплой. Мягкой. Настоящей.

— Я думал, что потерял тебя, — прошептал я. — Я думал, что убил тебя. Что бросил тебя умирать.

— Ты не бросил меня, — она накрыла мою ладонь своей. — Ты спас меня. Ты убил тварь, что держала дерево в оковах. И это освободило не только дерево — это освободило меня. Без тебя я бы погибла. Без тебя я бы растворилась в пепле.

Она отпустила мою руку. Отступила на шаг. Посмотрела на свои ладони, на своё тело, на свои босые ступни — и улыбнулась, как ребёнок, впервые увидевший мир.

— Я никогда не была живой, — сказала она. — Я была тенью. Эхом. Отголоском давно ушедшей эпохи. Но теперь...

теперь я могу чувствовать ветер на коже. Тепло солнца. Холод земли. Я могу дышать. Я могу плакать. Я могу смеяться.

Она замолчала. Отвернулась к дереву. Положила ладонь на его серебристую кору.

— Но я привязана к нему, — тихо сказала она. — Я — его дочь. Его хранительница. Я не могу уйти далеко. Этот лес — мой дом. Моя тюрьма. Моя свобода.

Я сжал кулаки.

— Есть способ освободить тебя? — спросил я.

Сигрид покачала головой. Но дерево ответило.

Голос был древним, глубоким, как корни, уходящие в самое сердце мира.

— Она свободна, Избранный. Она родилась из меня, но она не принадлежит мне. Она — не ветвь и не лист. Она — плод. И плод должен покинуть дерево, чтобы дать жизнь новому лесу.

Я замер.

— Что ты говоришь?

— Я говорю, — ответило дерево, — что Сигрид должна идти с тобой.

Сигрид обернулась. В её глазах блеснули слёзы.

— Но я не могу... я чувствую корни. Я чувствую связь. Если я уйду...

— Ты не умрёшь, — сказала дерево. — Ты будешь слабеть вдали от меня. Ты будешь тосковать. Но ты будешь жить. И ты будешь расти. Ты — моя дочь, Сигрид. И я отпускаю тебя.

Тишина.

— Почему? — спросила она шёпотом. — Почему ты отпускаешь меня?

— Потому что ты нужна ему, — ответило дерево. — Избранный идёт к Вратам. Путь долог и опасен. Ему нужен меч. Ему нужна защита. Ему нужен тот, кто будет рядом.

— Но я больше не меч, — сказала Сигрид. — Я не могу сражаться. Я не могу защитить его.

— Ты — больше, чем меч, — ответило дерево. — Ты — жизнь. Ты — свет. Ты — то, что родилось из пепла и проклятия. Ты — надежда. И ты нужна ему не для того, чтобы сражаться. А для того, чтобы быть рядом.

Дерево замолчало. Потом его голос стал тише, мягче — как голос отца, отпускающего дочь в дальний путь.

— Иди, Сигрид. Иди с ним. Храни его. Люби его. Защищай его — не мечом, а сердцем. И когда придёт время, когда Врата откроются, когда тьма падёт — ты будешь там. Ты будешь светом, что ведёт его домой.

Сигрид стояла неподвижно. Слёзы текли по её щекам — настоящие, живые слёзы.

— Я не хочу оставлять тебя, — прошептала она дереву.

— Ты не оставляешь меня, дитя, — ответило оно. — Ты несёшь меня с собой. Каждый раз, когда ты дышишь, я дышу с тобой. Каждый раз, когда ты смеёшься, я смеюсь с тобой. Я — в твоей крови. В твоих костях. В твоём сердце. Я всегда буду с тобой.

Она шагнула к дереву. Обняла его ствол. Прижалась щекой к серебристой коре.

— Спасибо, — прошептала она. — Спасибо за жизнь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.